

УДК 1:316.3:316.613.4

РОЛЬ МАССОВЫХ ЭКСТАТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Гужва А.А.

Показано, что массовые экстатические состояния обладают двумя жизненно необходимыми общественными функциями – групповая трансцендентальность и солидаризация индивидов. Высказано мнение, что общественные экстатические практики являются эффективным средством формирования гражданского общества, хотя и неоднозначным.

Ключевые слова: массовые экстатические состояния, человек, общество.

Объектом исследования в данной публикации являются массовые экстатические состояния, которые, как будет показано далее, представляют собой достаточно широкий ряд общественных явлений, с которыми мы сталкиваемся в различных сферах социальной жизни. **Цель** данной статьи заключается в том, чтобы выяснить общественную функцию массовых экстатических явлений и представить их в качестве переходного состояния массового сознания.

Актуальность. Наличие в социуме множества групп с разнонаправленными интересами, по мнению теоретиков демократического государственного устройства, является гарантией недопущения тирании. Но, с другой стороны, чрезмерная индивидуализация ставит под сомнение саму идею гражданского общества и создает условия для утверждения тоталитарных лидеров и нетрадиционных сообществ. Не в последнюю очередь, такое положение связано с общеизвестным фактом, что человек – немыслим вне общественного устройства и отсутствие культурной среды катастрофически снижает его жизнеспособность. Он вынужденно ищет объяснительную картину окружающего его мира, предоставляемую различными культурными программами. Если общество свободно от конфликтов, борьбы, мир ясен и понятен, – все хорошо познается и индивиды довольны своей жизнью. Но реальный порядок социальной жизни далек от такого описания. В обществе постоянно возникают полюса напряжения между различными социальными группами. Когда такое напряжение нарастает, социальный порядок разрушается, объяснительная схема утрачивает свою силу, и возникают новые структурные образования и функциональные связи. Как быстро разрушаются старые социальные порядки и утверждаются новые? Что происходит на «изломе», в узлах социальной сети? Как закрепляются возникшие образования в индивидуальной психологической структуре? На мой взгляд, это вопросы, требующие более детального рассмотрения.

В эпоху существования больших социальных групп – классов – зачастую смена социальных отношений осуществлялась революционным путем и в глазах современников получала преимущественно положительные и оптимистичные оценки. Хотя революция – не единственный способ перехода к иному социальному порядку, но определенно наиболее эффективный, поскольку, перефразируя Ю. Хабермаса, позволяет в течение ночи создать то, что в другом случае может требовать смены не одного поколения и целого столетия времени [5].

Революционное восстание носит восторженный, экстатический характер, где на первый план выходят аффективные свойства человека, несмотря на призывы лидеров к «народному здравому смыслу» и апеллирование к разумным идеалам. По мнению ряда исследователей, таким свойством обладают все массовые явления, в результате которых нарушается привычный ход вещей, и утверждаются новый порядок или идентичность. Актуальность изучения таких состояний обусловлена необходимостью их осмысления в отношении к общественным трансформациям, особенно в контексте последних событий в арабском мире, именуемых революциями и недавних беспорядков в столице Англии, которые под определение революции не попадают, но также свидетельствуют об определенном «сломе общества».

Степень научной разработанности темы. Особенности массовой психологии уделял большое внимание З. Фрейд и показал, что в любых собраниях возникает поле либидозных связей, что повышает уровень аффективности участников и вносит изменения в индивидуальное сознание [10]. Большой интерес к подобным состояниям проявился в конце XIX века в связи с изучением вакхических культов архаических культур. Среди прочих выделяется работа Д.Н. Овсяннико-Куликовского, который экстраполировал явления культового экстаза на светские феномены и предложил их оригинальную классификацию [8]. Он был уверен в однозначно положительном влиянии таких восторженных состояний на функционирование общества в целом. Многие ученые-социологи признают их благоприятное влияние, что проявляется в снижении агрессивности, избавлении от неврозов. Французский социолог Э. Морен, например, рассматривает общественные экстатические состояния как способ формирования социальной сплоченности, своеобразный акт партиципации [6, с. 103]. Современный российский ученый Л.А. Андреева в своем исследовании [1] показывает рост числа приверженцев нетрадиционных по отношению к православию религиозных конфессий, содержащих массовые экстатические ритуалы. Она полагает, что эта тенденция – поиск и переживание подобных состояний – как в религиозной, так и в светской жизни является неотъемлемой характеристикой не только традиционных сообществ, но и частью культуры индустриального и постиндустриального общества [1]. Касательными к теме публикации являются теоретические разработки психофизиолога Л.П. Гримака, исследовавшего адаптогенные свойства психики и уникальную человеческую способность к обучению [2; 3].

Представление об общественном экстазе редуцируется либо к биологическим основам человеческого существа (культурная регрессия, взрыв аффектов), либо носит явно выраженный фидеистский характер. Следует констатировать определенные сложности, возникающие при попытке описания вербальными средствами человеческих переживаний или ощущений в состоянии предельного

возбуждения. Человек в состоянии крайности – это так же и религиозные и эстетические переживания – выходит за рамки мира логоса, получая при этом полное удовлетворение и умиротворение.

Возможно ключ к пониманию этого в том, что одной из особенностей человеческого существа, с учетом всей палитры многомерности является то, что он может иметь полное удовлетворение своих желаний только в состоянии экзальтации. Для таких состояний характерно: потеря идентичности, крайности телесной активности, чувство радости и блаженства. При этом в организме происходит выработка эндорфинов, более известных как «гормоны счастья», как и при занятии спортом, сексом, ритмичными танцами и пр. Плата за высокий интеллект, способность рационально мыслить и обладать членораздельной речью – аффективные свойства характера, которые вынужденно контролируются посредством социальных ограничений и самопринуждения.

Однако существует еще один момент, на который следует обратить внимание. Психические процессы у человека, находящегося в состоянии экзальтации, обладают повышенной пластичностью и способностью к восприятию новой информации. Такая повышенная пластичность нервных процессов, по убеждению Л. П. Гримака требуется для формирования культурных стереотипов, усвоения новой информации и поведенческих программ [3, с. 75]. Эти свойства усиливаются в групповых собраниях, что было доказано еще З. Фрейдом, благодаря суггестивному влиянию массы и либидозному механизму, который срабатывает автоматически при больших скоплениях людей.

В детстве и юности человек естественным образом обладает особой восприимчивостью психики, но с возрастом обучаемость и восприятие дается человеку все труднее. Требуется определенный «разогрев» сознания. И если повседневные виды бытия не могут непосредственно перейти одно в другое, для этого им нужно выпадать в своеобразный переход, то принятие новых мировоззренческих установок тем более нуждается в своеобразном переходном моменте или другими словами трансцендентальности. Революция как раз и является одним из видов групповой трансцендентальности, кратчайшим путем к принятию новой идентичности и социального порядка, путем, в котором часто понимание и знание заменяется верой в светлое будущее.

Помимо функции перехода между социальными порядками общественные экстатические состояния обладают другим немаловажным свойством – это солидаризирующая функция, которая непосредственно связана самоконтролем аффектов. В ранних культурах этот процесс осуществляется при помощи обрядов и ритуалов, поскольку их форма позволяет максимально реализовать возможности и контроля аффектов, и сплочения индивидов.

По мере усложнения общественных отношений как взаимодействия индивидуального и социального происходит усложнение контроля аффективности и ритуальная деятельность видоизменяется. Современные исследователи ритуальных практик определяют ритуал как сложное социокультурное средство, при помощи которого формируются упорядоченные отношения между человеческими существами здесь-и-сейчас и получают не прямые источники власти, полномочий и ценностей [11, с. 23]. Немалое количество светских феноменов соответствуют

этому определению, не говоря уже о многочисленных нетрадиционных религиозных практиках, содержащих экстатические культы.

Секуляризация ритуальной деятельности, а значит и экстатических состояний начинается в античности. Это хорошо известные римские триумфы, сатурналии, более поздние формы помпезных парадов [4]. Большое разнообразие современной массовой культуры – ритмичная поп- и рок-музыка, клубная танцевальная субкультура, спортивные соревнования, кино, воздействующее на базовые структуры человеческой психики – это инструменты, в которых общественные отношения укрепляются при помощи механизма проекции-идентификации, когда множество индивидов идентифицируются друг с другом в своем идеальном «Я», место которого занимает один и тот же киногерой, рок-звезда или идея, сопровождающиеся коллективным вхождением в экстаз.

Не будет лишним повториться о необходимости социальной среды не только для гражданского общества, но и для жизнедеятельности человека в целом. Поэтому люди с удовольствием объединяются в сообщества, иногда даже без особой идеи или лидера, что демонстрируется в карнавальной форме массовых собраний. В мире карнавала отсутствует единый центр либидообразующих связей, и когда снимаются все запреты, «Я-идеал» сливается с нашим собственным «Я». При этом индивиды идентифицируются друг с другом в принятии самого себя, что, например, происходит в атмосфере ночного танцевального клуба.

Разнообразие общественных экстатических практик способствует формированию различных социальных групп, предотвращает «монолитизацию» общества и в то же самое время удерживает индивидов от полного разобщения, чрезмерной индивидуализации, что делает возможным существование гражданского общества. Это мнение подтверждается выводом, сделанным исследователями ритуальных практик, о том, что так называемая «ритуальная плотность» не равномерна и количество стихийных обрядов и ритуалов возрастает в ответ на некоторые формы социального беспорядка и расстройств [11, с. 173]. Становится понятным, почему в кризисные моменты потери идентичности, утраты ценностных и социальных ориентиров, активно распространяются и практикуются социальные действия, характеризующиеся экстатичностью переживаний. Социальная революция – это та же массовая экстатическая практика, возникающая в результате утраты ощущения миропорядка, массового недовольства сложившимися обстоятельствами. Следует подчеркнуть, что с помощью подобных практик солидаризируются, становятся более сплоченными и маргинальные социальные группы, придерживающиеся девиантной формы поведения, о чем свидетельствуют неоднозначные обряды инициации и т.п. Поэтому, есть все основания полагать, что общественные экстатические состояния являются амбивалентным культурно-психологическим фактором, который, тем не менее, представляет собой неотъемлемый элемент любой общественной организации.

По оценкам специалистов арабский кризис вызван в первую очередь кризисом постколониальной государственной формы, посредством которой Запад осуществлял свою гегемонию [12, с. 48]. В данном случае это не та революция, когда новые социальные силы смещают отжившие правящие классы, поскольку речь идет о глобальной тенденции развала структуры постколониального государства в планетарных масштабах, а это напрямую связано с кризисом

постколониального сознания. В этом может заключаться одна из причин массовых беспорядков в благополучной Великобритании.

Та часть населения, которая прибыла из подобных стран и не смогла ассимилироваться, принять новые культурные установки, продолжала быть носителем постколониального сознания, которое как мы видим, терпит крушение. Будучи территориально в другом месте, ментальность этих людей претерпевала изменения аналогичные изменениям в сознании населения покинутых ими стран. Достаточно было малейшего повода, чтобы массовые недовольства выплеснулись на улицы, превратившись при этом в банальные беспорядки, местами грабеж, поскольку коренное британское общество и государственная система относительно стабильны и функционируют нормально. Подтверждение тому – переселенцы, которые смогли принять новые социальные установки и успешно интегрировались в общество.

Выводы. Несмотря на амбивалентные свойства массовых экстатических состояний, способность человека легче принять новую идентичность и чувствовать свою причастность к некоему сообществу может иметь большое практическое значение. Вызовы, возникающие перед человечеством, обладают все меньшей привязкой к локальным и национальным характеристикам, и все больше приобретают черты глобальности. Интеграционные процессы, планетарную миграцию населения вряд ли остановить, а это значит крушение мировоззрений, изменение социальных порядков и как следствие – рост числа общественных волнений в форме экстатических состояний. Однако целенаправленное и своевременное использование разнообразных социокультурных практик, сопровождающихся повышенной восторженностью помогут смягчить этот процесс и способствовать стабилизации гражданского общества, но уже в глобальных масштабах.

Список литературы

1. Андреева Л. А. Российская цивилизация. Российские религиозные практики в универсальном контексте : экстатические обряды и действия [Текст] / Л. А. Андреева // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 3. – С. 97–106.
2. Гримак Л. П. Резервы человеческой психики / Л. П. Гримак. – М. : Политиздат, 1989. – 319 с.
3. Гримак Л. П. Терапевтические функции культуры / Л. П. Гримак // *Человек*. – 2002. – № 1-2. – С. 75–86.
4. Гужва А. А. Парад как секуляризированный ритуал / Гужва А. А. // *Практична філософія*. – 2011. – № 2 (40). – С. 171–177.
5. Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості : дослідження категорії громадянське суспільство / Юрген Габермас; пер. з нім. – Львів : «Літопис», 2000. – 318 с.
6. Морен Е. Втрачена парадигма : природа людини / Е. Морен // *Філософська і соціологічна думка*. – 1995. – № 5–6. – С. 90–109.
7. Морен Э. К пропасти? / Э. Морен; пер. с франц.. – М. : Алетейя, 2011. – 136 с.
8. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности, в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – Одесса : Тип. П. А. Зеленаго, 1883. – 240 с. – (Зап. Новорос. ун-та ; Т. 39)
9. Слисаренко И. «Английская весна» с арабским привкусом [Электронный ресурс] / Игорь Слисаренко // *День : ежедневная всеукраинская газета*. – 2011. – № 145. – Режим доступа : <http://www.day.kiev.ua/214167>.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 191 с.

11. Bell C. *Ritual : Perspectives and Dimensions* / Catherine Bell. – NY. : Oxford UP, 2009. – 351 p.
12. Kees van der Pijl. *Arab Revolt and Nation-State Crisis* / Kees van der Pijl // *New Left Review*. – 2011. – № 70. – P. 27 – 49.
13. Nandy A. *The Intimate Enemy : Loss and Recovery of Self under Colonialism* / Ashis Nandy. – Delhi : Oxford UP, 1983. – 144 p.

Гужва А.А. Роль масових екстатичних станів в суспільстві // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2012. – Т. 24 (65). – № 1-2. – С. 297–302.

Показано, що масові екстатичні стани володіють двома життєво необхідними суспільними функціями – групова трансцендентальність і солідаризація індивідів. Висловлено думку, що суспільні екстатичні практики є ефективним засобом формування громадянського суспільства, хоч і неоднозначним.

Ключові слова: масові екстатичні стани, людина, суспільство.

Guzhva A.A. Role of Public Ecstatic States in Society // *Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology*. – 2012. – Vol. 24 (65). – № 1-2. – P. 297–302.

This article shows two functions of public ecstatic states which are indispensable to life. They are group transcendental state of mind and solidarity with individuals. Author suggests that public ecstatic practices are an effective method to form a civil society though it is an ambiguous thing.

Key words: public ecstatic states, human, society.

Стаття поступила в редакцію 10.09.2011.